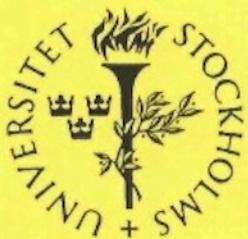

MEDDELANDEN
från slaviska institutionen

Nr 33

Людмила Пёппель

Две статьи о лингвистических
сказках Людмилы Петрушевской

Stockholm 1997

SBP
229 / 33

MEDDELANDEN
från slaviska institutionen

Nr 33

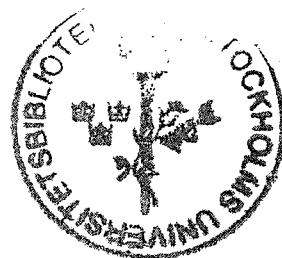
Stockholms Universitet

30001 006589289

Людмила Пёппель

Две статьи о лингвистических
сказках Людмилы Петрушевской

Stockholm 1997

Redaktion: Per Ambrosiani (ansv. utg.)

Per-Arne Bodin

Anna Ljunggren

Barbro Nilsson

ISSN 0281-854X

© L. Pöppel 1997

Tryck: Stockholms universitet, Reproenheten 1997

Лингвистическая сказка Л. Петрушевской— грамматика и семантика

Л. Петрушевская

ПУСЬКИ БЯТЬЕ Лингвистическая сказка

Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит:

– Калушата, калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и бутявку стрямкали.

И подудонились.

А Калуша волит:

– Оее, оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит:

– Бутявок не трямкают, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузяевые.

От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

– Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузяевые! Пуськи бятые!

Филологам и лингвистам нескольких поколений известен пример с *глокой куздрой*. В свое время профессор Л. В. Щерба предлагал студентам объяснить, что означает предложение: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*. (Об этом рассказывает и Лев Успенский в книге «Слово о словах»). Как правило, недоуменные студенты признавались в своем бессилии, и тогда профессор показывал: любой носитель русского языка понимает, что речь здесь идет о *куздре*. *Куздра* – это подлежащее. Она, конечно, *глокая* (т.е. какая) – определение. Окончания существительного и прилагательного говорят о том, что это существо женского рода. Что она сделала? *Будланула* – сказуемое, суффиксы указывают на одноразовость действия, прошедшее время и совершенный вид. Кого будланула? *Бокра* – прямое дополнение, существо мужского рода. Как будланула? *Штеко* – обстоятельство, выраженное наречием. Что она делает? *Кудрячит* – сказуемое, форма глагола указывает на настоящее время, 3 лицо, единственное число, несовершенный вид.

Кого она кудрячит? *Бокренка* – прямое дополнение, суффикс *-енк* говорит о том, что это детеныш бокра, существо мужского рода. Таким образом, перед нами искусственная фраза, в которой нет ни одного настоящего слова, кроме союза *и*, и, тем не менее, мы можем кое-что понять и представить определенную систему отношений.

На аналогичных принципах построена сказка Л. Петрушевской «Пуськи бывшие», которую автор назвала лингвистической сказкой. В связи с этим возникает естественный вопрос: что же собственно перед нами – бессмысленный, мертвый текст, набор звуков, вызывающий недоумение и непонимание или же это не простая игра «в суффиксы и префиксы», а нечто большее. Если так, то в чем заключается это «нечто большее», почему, несмотря на отсутствие «настоящих» слов, мы воспринимаем текст как написанный на русском языке (не только благодаря кириллице) и как детскую сказку. В поисках ответов на эти вопросы мы попытаемся рассмотреть текст с позиции морфологической структуры, ассоциаций, синтаксического построения и фонетического строя.

Итак, однажды жила-была маленькая русская детская сказка. Маленькая – бесспорно, русская – по всей видимости, детская сказка – вовсе не исключено, посмотрим...

1. Морфология и словообразование

По классической классификации современная грамматика выделяет 10 частей речи, 8 из них встречаются в тексте. Слова, отмеченные звездочкой, указаны в предполагаемой исходной форме:

существительные (**пуська*, *Калуша*, *калушата*, **напушка*, *бутявка*);
прилагательные (**бывший*, **дюбый*, **некузявый*);
глаголы (**сяпать*, **присяпать*, **усяпать*, **увазить*, **волить*, **стрямкать*, **трямкать*, **подудониться*, **дудониться*, **вычучить*, **вздреднезнуться*, **сопритюкнуться*);
наречия (*зюмо*);
предлоги (*по*, *с*, *от*, *за*);
союзы (*и*, *а*);
частицы (*-то*);
междометие (*оee!*)

Предлоги, союзы, частица и междометие реально существуют в русском языке, вымышленными являются существительные, прилагательные, глаголы и наречие. Что дает нам возможность отнести то или иное слово к определенному классу? При отнесении слова к части речи необходимо учитывать три основных признака:

- единство обобщенного значения, отвлеченного от лексических значений всех слов данного класса;
- общность грамматических категорий и словоизменения;
- тождественность синтаксических функций.

Рассмотрим, насколько классификация вымышленных слов соответствует вышеназванным критериям.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Пуськи:

Суффикс *-к-* словообразовательный суффикс существительного, имеет негативное значение и выражает экспрессию пренебрежительности, *-и* – окончание множественного числа именительного падежа. Слово встречается в тексте дважды, в обоих случаях в функции субъекта.

Калуша:

Суффикс *-уш-* словообразовательный суффикс существительного, слова этого типа могут называть животное (*горбуша* – значение животного и предмета). Суффикс характерен для разговорной речи, встречается также в народнопоэтическом творчестве (*горюша*, т.е. горемыка) и имеет ласкательный оттенок.

Окончание *-а* указывает на жен. р., ед. ч., им. п. *Калуша* встречается в тексте 3 раза, во всех случаях в функции субъекта.

Калушата, калушаточки:

Суффикс *-ат-* словообразовательный суффикс существительного, указывает на лицо или животное, характеризующееся детскостью, невзрослостью, и на множественное число (*лягушата, барсучата, медвежата*). Суффикс указывает на то, что калушата – детеныши Калуши, причем их несколько. Одновременно суффикс указывает на то, что Калуша является матерью калушат. Суффикс *-очки-* имеет ласкательное значение. Сочетание обоих суффиксов часто используют матери в обращении к детям. Окончания *-а, -и* указывают на мн. ч., им. п. *Калушата (калушаточки)* встречается в тексте 6 раз, во всех случаях в предложении является субъектом.

Бутявка:

Суффикс **-явк** словообразовательный суффикс существительного, указывает на одушевленность, встречается в единичных образованиях, называет предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом (*малявка, козявка*). Слово встречается в тексте 10 раз, имеет следующие окончания: **-а** – жен. р., ед. ч., им. п.; **-и** – мн. ч., им. п.; **-у** – жен. р., ед. ч., вин. п.; **-ок** – мн. ч., вин. п. Функции в предложении: субъект и объект.

Напушка:

Префикс **на-** словообразовательный, указывает на *предмет, находящийся на поверхности того, что названо мотивирующим словом*. Существительные этой группы образуются от существительных чаще всего с помощью суффикса **-ник-** (*наконечник*), реже с помощью суффикса **-ь-** (*нагорье, надворье*), они не могут образовывать слова с помощью суффикса **-к-**, как в данном случае. Все существительные с префиксом **на-** и суффиксом **-к-** образованы от глаголов (ср. *наколка, наклейка*). Таким образом, слово *напушка* образовано вопреки правилам словообразования. Тем не менее, оно не воспринимается как «неправильное» (об этом говорится далее в разделе *Ассоциации*). *Напушка* встречается в тексте дважды: *по напушке, за напушкой*. Окончание **-е** указывает на жен. р., ед. ч., дат. п.; **-ой** – на жен. р., ед. ч., тв. п. На соответствующие падежные окончания указывают также предлоги *по* и *за*. В обоих случаях синтаксическая функция в предложении – обстоятельство места.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Бятые:

Флексия **-ые** указывает на мн. ч., им. п. Слово встречается в тексте 2 раза, в обоих случаях является в предложении определением.

Дюбые:

Флексия **-ые** указывает на мн. ч. им. п. В тексте встречается 1 раз, в предложении является предикатом.

Некузязые:

Префикс **не-** словообразовательный, означает отсутствие или противоположность признака, этот тип высокопродуктивен.

Суффикс **-яв-** словообразовательный, имеет значение *склонный к действию, названному мотивирующим словом*, часто встречается в разговорной речи и просторечии (*писклявый, корявый*). Слово

встречается в тексте 3 раза, имеет следующие окончания: *-ая* - жен. р., ед. ч., им. п.; *-ые* - мн. ч., им. п. В предложении функция определения и предиката.

ГЛАГОЛЫ

Сяпала, присяпали, усяпала:

Префикс *при-* имеет значение *с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, достигнуть какого-нибудь места*. Префикс *у-* означает *удалиться откуда-нибудь, покинуть какое-нибудь место с помощью действия, названного мотивирующим глаголом*. Глагол *сяпать* означает *перемещение в пространстве, совершающееся в одном направлении*, глаголы одностороннего движения предельны, т.е. называют такое движение, которое направлено на достижение предела, в данном значении пространственного (ср. *бегать, лазать, летать, ползать*). Все глаголы этого типа принадлежат к несовершенному виду и не образуют префиксальной видовой пары. Одновидовой характер этих глаголов обусловлен тем, что в соединении с префиксами их лексическое значение всегда меняется, чистовидового префикса у этих глаголов не бывает: *сяпать – присяпать, усяпать*. Ср. *идти – прийти, уйти*.

Суффикс *-а-* – словообразовательный глагольный суффикс; *-л-* – формообразовательный суффикс прошедшего времени; *-и-* – окончание, указывает на жен. р., 3 л., ед. ч.; *-и* – окончание, указывает на 3 л., мн. ч. В тексте глагол встречается 3 раза, во всех случаях функция в предложении – предикат.

Увазила:

Префикс *у-* – чистовидовой. Суффикс *-и-* – словообразовательный глагольный суффикс. Глаголы с префиксом *у-* и суффиксом *-и-* имеют значение *свершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом*. В данном случае возможно формирование видовой пары путем перфективации, т.е. беспрефиксный глагол несовершенного вида – префиксный глагол совершенного вида по образцу *делать-сделать – вазила-увазила*. Суффикс *-л-* – формообразовательный прошедшего времени, окончание *-а* указывает на жен. р., 3 л., ед. ч. В предложении является предикатом.

Волит:

Суффикс *-и-* – словообразовательный глагольный суффикс, окончание *-т* указывает на наст. вр., 3 л., ед. ч. В тексте встречается 3 раза, во всех случаях является в предложении предикатом.

Стрямкали, трямякают:

Префикс *с-* словообразовательный, чистовидовой, вместе с суффиксом *-а-* имеет значение *довести действие до результата*. Глаголы *трямкать-стрямкать* образуют префиксальную видовую пару (ср. *молоть-смолоть, петь-спеть*). Суффикс *-л-* – формообразовательный прошедшего времени, окончание *-и* указывает на 3 л., мн. ч., окончание *-ют* – на 3 л. мн. ч. наст. вр. В тексте слово встречается дважды, в предложении в обоих случаях является предикатом.

Подудонились, дудоняются:

Глаголы также образуют видовую пару *дудониться-подудониться*. Префикс *по-* чистовидовой, вместе с суффиксом *-и-* придает значение *совершить действие* (ср. *здравиться-поздороваться*). Суффикс *-л-* – прошедшего времени, *-и* – окончание 3 л., мн. ч.; *-ят* – окончание 3 л., мн. ч., наст. вр.; *-сь, -ся* – постфикс. В тексте встречается 4 раза, синтаксическая функция – предикат.

Выучили:

Префикс *вы-* чистовидовой (ср. *корчевать-выкорчевать, учить-выучить*). Глагол с префиксом *вы-* и суффиксом *-и-* означает *довести действие до результата*. Суффикс *-л-* – прошедшего времени, окончание *-и* указывает на 3 л., мн. ч. Функция в предложении – предикат.

Вздребезнулась:

Префиксально-суффиксальный глагол, в данном случае сочетается значение совершенного вида со словообразовательным значением. Глагол с префиксом *вз-* и постфиксом *-ся* имеет значение *интенсивно или резко, внезапно совершить действие, названное мотивирующим глаголом, а также значение направления вверх*. Суффикс *-ну-* словообразовательный, придает значение однократности действия. Все глаголы этого типа относятся к разговорной речи или просторечию. Суффикс *-л-* – прошедшего времени; окончание *-а* указывает на 3 л. ед. ч., жен. р., *-сь* – постфикс. В предложении функция предиката.

Сопритюкнулась:

Префиксы *со-* и *при-* словообразовательные; *со-* имеет значение *соединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, при- - с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, достигнуть какого-н. места, соединиться с чем-л.* Суффикс *-ну-* указывает на однократность действия, постфикс *-ся* в сочетании с префиксами придает также значение *слегка, не сильно*. Все

глаголы этого типа относятся к разговорной речи или просторечию. В предложении функция предиката.

НАРЕЧИЯ

Зюмо:

Суффикс *-о-* имеет значение наречия как части речи. Встречается в тексте дважды. В предложении функция обстоятельства.

На основе морфологического анализа мы можем говорить о предметности у существительных (*Калуша, калушата, бутявка* – животные или существа, *напушка* – место), действиях у глагола (*сяпать, усяпать, присяпать* – движение, *вздребезнуться* – быстрое действие), признаках предмета у прилагательных (*дюбы, некузяевые*) и признаке качества у наречия (*зюмо*). Существительные имеют грамматические категории рода (в тексте все существительные женского рода), числа (единственного и множественного) и падежа (в тексте встречаются различные падежные флексии, в том числе имеются примеры изменения одного и того же существительного по падежам). Глагол имеет грамматические категории вида, залога, лица, числа и рода (в прошедшем времени), что показано на примерах выше. Все глаголы употребляются в действительном залоге, изъявительном наклонении. Прилагательные имеют грамматические категории рода, числа, падежа и относятся к группе качественных прилагательных. Наречие выражено формально неизменяемостью, в данном случае определяет прилагательное. Синтаксические функции всех частей речи полностью соответствуют функции, которую обычно данная часть речи выполняет в предложении (об этом подробнее говорится в главе *Синтаксис*).

Таким образом, отнесение слов к той или иной части речи является правомерным и соответствует критериям деления слов на классы.

Морфологический анализ показывает, что в вымышленных словах все грамматические морфемы (аффиксы), как словообразовательные, так и формообразовательные, реально существуют в русском языке, вымышленными являются лексические морфемы (корень). Все слова имеют правильную грамматическую форму и относятся к соответствующим частям речи, словообразовательные морфемы имеют также некоторое лексическое значение. Отсутствие лексического значения в корневых морфемах мы пытаемся компенсировать с помощью ассоциаций, возникающих на основе

имеющейся у нас лексико-грамматической и фонетической информации и собственных знаний и опыта. В каждом случае мы стараемся «достроить» лексическое значение слов. Воссозданная таким образом картина не может быть однозначной, ассоциации и параллели могут быть различные, ниже приводятся некоторые из возможных вариантов.

2. Ассоциации

Пуськи бятые:

В обращении к маленьким детям или животным часто используется слово *пussy* (*пусенька, пусечка, пусик*), имеющее ласкательное и диминутивное значение. В немецком языке *Pusselchen* имеет то же значение, в английском *pussy* означает *кошечка, киска, «киса»*. Слово также может означать *мягкий пушистый предмет*. Диминутив означает включение в свой мир, в сочетании с суффиксом *-к-*, имеющим негативное значение, слово приобретает противоположное значение – *исключение из своего мира*. Это значение усиливается сочетанием с прилагательным *бятые*, напоминающим детское слово *бяка*, т.е. *плохой*.

Калуша (калушата):

Благодаря суффиксу *-уи-* возникает параллель с такими словами, как *квакуша, крякуша, Каркуша* (*Каркуша* – ворона, героиня детской телепередачи «Спокойной ночи, малыши»). Могут возникнуть ассоциации с такими словами, как *галоша, лягушка* или *клуша* (в разговорной речи означает *раззява* или *разиня*, но с положительным оттенком), а также с прилагательным *хороший*, которое маленькие дети произносят «*калёсий*», т.е. *Калуша*, скорее всего «*положительное*» существо. В данном случае наблюдается совпадение имени собственного со значением животного (или существа). Имя собственное может быть, например, сочетание таких женских имен, как *Луша* (*Гликерия*) и *Калюша* (*Калерия*). Такое совпадение часто встречается в русских народных сказках (*кот Котофей Иванович, Ворон Воронович*) и в детских сказках и фильмах (*ворона Каркуша*). О связи Калуша – калушата говорится выше.

Напушка:

Напоминает слово *опушка*. Выше говорилось о нарушении правила словообразования. Однако мы очень легко даем себя обмануть и

воспринимаем слово как вполне «правильное». Если сравнить словосочетания *на опушке* и *по опушке*, очевидно, что *по опушке* – результат взаимной перестановки звуков, т.е. метатеза. Метатеза свойственна разговорному языку. В процессе порождения речи иногда возникают обмолвки, свидетельствующие о том, что в этом процессе участвуют фонемы и другие элементы. Как правило, такие обмолвки не нарушают звуковую систему языка, т.е. не возникают звукосочетания, чужие для данного языка. Например, *раболатория* вместо *лаборатория*, *сингал* вместо *сигнал*, детский стишок *Режиком заножу, будешь дрыжками ногать и мотою головать* вместо *Ножиком зарежу, будешь ножками дрыгать и головою мотать*; в английском языке: *florn cakes* вместо *corn flakes*, *queer old dean* вместо *dear old queen*; в шведском языке: *tin svarfär* вместо *tin svärfar, sjödd fötan* вместо *född sjöman*. Часто в обмолвках сохраняется семантическое сходство с тем, что говорящий хотел сказать. В сочетании *по опушке* сохранено семантическое, а также имеется синтаксическое сходство с сочетанием *на опушке*. Такие оговорки часто используются детьми, которые строят на этом игры в слова, а также в детской литературе.

Бутявка:

Поскольку суффикс -явк- встречается в единичных образованиях, сразу возникает ассоциация с такими словами, как *малявка* (*малек* или *ребенок*, *маленький человек*) и *козявка* (*букашка*, *маленькое насекомое*), т.е. с существом небольшого размера и маленького роста. Возникает также и другая параллель с глаголом *тявкать* (имеет два значения – *отрывисто лаять* и *ворчать, браниться*). Обычно тявкают маленькие комнатные собачки или дворняжки – шавки, породистые или большие собаки лают. И. Е. Репин в своей книге «Далекое близкое» охарактеризовал газетных писак следующим образом: они *шавкали из подворотни*. Эта обмолвка (вместо *тявкали, как шавки*) выразительно свидетельствует о семантическом сходстве обоих слов.

Сяпать:

Сяпать напоминает глагол *чапать*, означающий в современном разговорном языке *идти, передвигаться*, причем походка обычно тяжелая. Можно предположить, что оба глагола ономатопоэтические, т.е. образованы от звуков, которые мы слышим при передвижении – *чап* и *сяп*. *Сяп* говорит о легкой походке и передвижении мел-

кими шажками, так может передвигаться, например, ежик или букашка, но никак не динозавр.

Увазить:

Напоминает глагол *увидеть*. Другая параллель может возникнуть с глаголом *уважить* (сов. вид от *уважать*). В сербохорватском языке *уважити* означает принять во внимание, такое же значение имеет *uvažiti* в чешском, *uvažiť* в словацком. В польском языке *zauważać* означает *заметить, обратить внимание*.

Волить:

Основа та же, что в словах *велеть* и *воля*, т.е. изъявление желания, требования, хотения. В польском языке *wołać* означает *кричать*. *Воля* имеет также значение *свобода*, в данном случае Калуша, калушата и бутявка живут на воле, т.е. дикие, не домашние. Графически *волит* похоже на *вопит*, имеется также сходство с глаголом *воет*. Маленькие дети часто не выговаривают "р" и вместо *говорит* произносят *говолит*, а если они только учатся говорить и еще не могут произнести все слоги – *волит*.

Стрямкать (трямкать):

Вызывает ассоциацию с некоторыми глаголами, означающими *есть, принимать пищу: трескать* (груб-прост), *хряпать* (груб-прост), *шамать* (жарг). Во всех случаях пища поглощается очень быстро, возможно, даже не разжевывается.

Дудониться:

Слово ассоциируется с такими словами, как *долдонить* (пустословить, говорить лишнее, пустое), *долдон* (дурак, тупоумный), *царь Дадон* (главный герой «Сказки о золотом петушке» Пушкина, глупый и своенравный). Все ассоциации указывают на отрицательную лексическую окраску слова.

Выучить:

Возникают параллели с глаголами *выкорчевать, вылечить* и с существительным *чучело* (пугало, неряшливо одетый или грязный человек, бранное слово), *чушика* (прост. *поросенок*; в обращении к детям часто говорят *ты грязный, как чушка*).

Вздребезнуться:

Ассоциация с глаголом *встрепенуться* (сильно вздрогнуть, выйти из состояния неподвижности, оживиться). Возможна также связь со словами *дребезги* (т.е. мелкие части чего-л.), *дребежать*, а также глаголом *бздеть* (груб-прост.), имеющим одно из значений *бояться, трусить*.

Соприлюкнуться:

Глагол является, вероятно, соединением двух глаголов *соприкоснуться* и *люкнуться* (разг. удариться обо что-л. с легким стуком). Лекгий стук при ударе еще раз свидетельствует о небольшом размере бутявки. Префикс *при-* указывает на направление движения вниз, в данном случае *соприлюкнуться* означает *соприкосновение с поверхностью земли и легкий удар*. Возникает параллель с героями сказок, которые, ударившись оземь, совершали волшебные превращения. Можно также предположить, что калушата, которых было двое или больше, «съели» одну бутявку (в таком случае по кусочкам), а потом «выплюнули», в результате чего бутявке пришлось прежде всего собрать все части или *дребезги* в одно целое, т.е. *вздребезнуться*, одновременно эти части должны соприкоснуться и стукнуться или *люкнуться* друг о друга – *соприлюкнуться*. Параллельное соприкосновение с землей довершает в таком случае волшебное превращение.

Дюбый:

Возникает параллель с прилагательным *любый* (устар. форма, встречается в сказках – *любезный, любимый, милый*) и *добрый* (маленькие дети, не умеющие произносить все звуки, часто произносят как *дёбый*).

Некузявый:

Ассоциация с прилагательным *невкусный*, которое дети произносят как *некусный*, т.е. с чем-то несъедобным или же в более широком понимании с чем-то плохим. Другая параллель может быть со словом *неказистый*.

Зюмо:

Ассоциация с двумя наречиями – *дюже* (прост. *очень, сильно*) и *зело* (устар. *очень, весьма*).

Лексические значения слов часто связываются в нашем представлении с разговорной речью, русскими народными сказками, детским языком и детскими сказками. Особенно часто возникают ассоциации с детским языком и детскими сказками, что указывает на существование внутри нас архетипов, вызывающих похожие представления. Об этом также говорится далее в разделе «Синтаксис».

3. Синтаксис

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Текст состоит из 18 предложений, из них 17 простые и 1 сложносочиненное. Все предложения построены согласно синтаксическим правилам соединения слов и словоформ в предложения.

В тексте встречаются односоставные предложения следующих типов: номинативное и обобщенно-личное. Они образуются посредством одного полнозначного слова в той или иной форме, т.е. в них есть только один главный член с зависимыми от него словами или без них.

Номинативное предложение – простое односоставное безглагольное предложение с главным членом, выраженным номинативом: *Бутявка!* В этом предложении отсутствует глагол, нулевая форма глагола *быть*, передающая грамматическое значение настоящего времени изъявительного наклонения.

Обобщенно-личное предложение – предикат называет действие, относящееся к широкому, обобщенно-представленному кругу лиц: *Бутявок не трямякуют* (входит в состав сложносочиненного предложения). *От бутявок дудонятся*. В данном случае глагол в определенно-личных предложениях имеет форму 3 л. мн. ч. наст. вр. (окончания *-ют*, *-ят*), что отличает этот тип предложений от других односоставных предложений. Особенно часто употребляются в пословицах и поговорках: *Снявши голову, по волосам не плачут. Грибов ищут, по лесу рыщут. Пашню пашут, так руками не машут.* Встречается также употребление в баснях: *А ведь ворон не жарят, не варят* (Крылов). Цель таких высказываний – назидательно-дидактическая.

Предложение *Калушата, калушаточки!* является звательной формой.

Предложения *Зюмо некузяевые! Пуськи бятые!* можно рассматривать как односоставные. Оба предложения имеют общую функцию – дают отрицательную характеристику.

Неполное предложение – не имеет собственной структурной схемы, а опирается на структурную схему другого предложения. В тексте 2 неполных предложения: *И волит. И подудонились.* Оба предложения контекстуальные, т.е. опираются на соответствующий контекст, в роли которого выступает предыдущее предложение. В

обоих случаях мы наблюдаем парцеляцию двусоставного простого предложения на простое двусоставное и неполное. Такая парцеляция указывает на необходимость сделать паузу в процессе повествования, т.к. далее последует важное высказывание, к которому рассказчик привлекает внимание.

Простое двусоставное предложение.

В тексте 10 двусоставных простых предложений. Во всех случаях субъект не имеет зависимых слов, предикат имеет в некоторых случаях объект (*увазила бутявшку, бутявшку стрямкали, бутявшку вычиу-чили*) или обстоятельство (*сыпала по напушке, усыпала с напушки, волит за напушкой*). Отсутствие зависимых слов у субъекта создает динамику текста.

По синтаксическому построению встречаются два основных типа двусоставного предложения:

Глагольные, в которых предикат выражен спрягаемой формой глагола. В глаголе заключено значение, которое предикат выражает по отношению к субъекту и необходимые категории времени и модальности: *Калуша волит* – наст. вр., изъяв. накл. *Калушата подудонились* – прош. вр., изъяв. накл. *Калушата присыпали и бутявшку стрямкали* – прош. вр., изъяв. накл. *Сыпала Калуша по напушке и увазила бутявшку* – прош. вр., изъяв. накл.

Именные, в которых предикат состоит из двух слов: глагола-связки *быть*, передающей грамматические категории времени и модальности, и именной части, передающей значение предиката: *Бутяшки дюбые и зюмо-зюмо некузявые* (входит в состав сложносочиненного предложения); *Бутяшка-то некузявая*. Связка *быть* выступает здесь в нулевой форме, отсутствие связи передает наст. вр., изъяв. накл. и подчеркивает качественную характеристику. Во всех двусоставных предложениях выражается следующий тип смысловых отношений: предикат выражает качественные признаки, действие или состояние субъекта.

В тексте имеется одно сложносочиненное предложение: *Бутяшок не трямкают, бутяшки дюбые и зюмо-зюмо некузявые*. Оно является бессоюзным и образовано сочетанием двух предложений на основе сочинительной грамматической связи (о двух простых предложениях, входящих в состав этого предложения, говорится выше). По характеру отношений предложение соединительное.

Падежные окончания существительных соответствуют их синтаксической функции в предложении, т.е. подлежащее стоит в имени-

тельном падеже (*Калуша, калушата, калушаточки, бутявка*), объект в винительном или родительном падеже (*бутявку, бутявок*), косвенный объект в родительном (*от бутявок*), обстоятельство в дательном, родительном или творительном (*по напушке, с напушки, за напушкой*). Окончания глаголов соответствуют правилам согласования. На правильные падежные окончания указывают также предлоги (*по, с, от, за*).

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Словосочетания образуются согласно правилам образования т.е. путем сочетания полнозначных слов на основе подчинительной грамматической связи. В тексте имеются основные виды подчинительной связи:

Согласование, подчинительная связь, при которой зависимое слово ставится в тех же грамматических формах, что и главное: *пуськи бятые* (мн. ч. им. п.). На правильное согласование грамматических форм указывают окончание существительного *-и* – мн. ч. им. п.; прилагательного *-ые* – мн. ч. им. п.

Управление, вид подчинительной связи, при которой главное слово требует постановки зависимого слова (существительного) в определенном падеже, с предлогом или без предлога: *увазила бутявку, бутявку стрямкали, бутявку выучили*. Все три случая являются прямым управлением, где главное слово – переходный глагол, а зависимое – существительное в вин. п. без предлога, называет объект, на который переходит действие глагола. При этом форма зависимого слова предопределена не только потребностями заданного смысла, но и главным словом, глаголом. Поэтому глагол может стоять в любой присущей для него форме, в первом случае глагол стоит в 3 л., ед. ч., во втором и третьем – в 3 л., мн. ч. Выбор же форм зависимого слова строго определен. Для определения формы зависимого слова при согласовании достаточно знать только грамматическую форму главного слова, при управлении необходимо знать лексико-грамматическое значение главного слова, чтобы определить форму зависимого. Таким образом, управление указывает не только на грамматическое, но и на лексическое значение глаголов. *Увазила* может означать восприятие зрением, *стремкали* – действие, связанное с поглощением пищи, *выучили* – действие, связанное с выплевыванием.

Примыкание, подчинительная связь, при которой главное слово не вызывает у зависимого определенных грамматических форм, поскольку зависимое слово является неизменяемым: *зюмо некузяые, зюмо-зюмо некузяые*. Главным словом в данном случае является прилагательное, зависимым – наречие. Имеется точка зрения, согласно которой зависимым примыкающим словом может быть и существительное в косвенном падеже, если оно выражает разного рода обстоятельства (т.н. именное примыкание). Формы существительных не предопределяются и не управляются главным словом. В тексте также есть примеры такого примыкания: *сяпала по напушке, усяпала с напушки, волит за напушкой*. Во всех случаях примыкание слабое, т.е. главное слово может быть употреблено в предложении и без зависимого, ср. *зюмо некузяые – некузяые, сяпала по напушке – сяпала, усяпала с напушки – усяпала, волит за напушкой – волит*.

Все словосочетания в тексте образуются согласно правилам соединения полнозначных слов, и между ними установлены разные виды синтаксических отношений – определительные при согласовании, обстоятельственно-характеризующие при примыкании, объектные и субъектные при управлении.

ПОРЯДОК СЛОВ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

При рассмотрении порядка слов языка отправной точкой является порядок слов простого утвердительного предложения, содержащего субъект S, глагол V (т.е. предикат, выраженный переходным глаголом) и прямой объект O. Такой порядок слов считается основным порядком слов. Русский язык является языком SVO, однако порядок слов не выражает, как правило, собственно грамматических значений. Размещение в предложении синтаксически связанных членов может варьироваться, поскольку отношения между ними выражены флексиями. Однако размещение слов в русском предложении не свободно, а служит для актуального членения предложения и выполняет стилистические функции. Отношение порядка слов к актуальному членению – это отношение формы и функции.

Порядок слов во всех предложениях полностью соответствует этим правилам. В первом предложении сказуемое выносится в начало предложения перед подлежащим, остальные следуют после подлежащего. Такая конструкция с двумя или несколькими однородными сказуемыми, обрамляющими подлежащее, особенно типична

для фольклорно-повествовательного стиля, часто она используется как зачин в русских народных сказках, в детской дидактической литературе, в баснях и анекдотах: *Ехал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес* (Царевна-змея). *Идет волк по лесу. Видит дятел долбит дерево; он ему и говорит...* (Как лиса шила волку шубу). Такая модель предложения настолько узнаваема, что мы сразу же можем, если не опознать, то, во всяком случае, расставить главных персонажей по местам. *Сяпала Калуша по напушке ...* может быть *Скакала лягушка по траве и увидела козявку. И говорит...* или *Шлепала галоша по опушке и увидела букашку. И говорит...* (Движение – восприятие – порождение речи).

В двух случаях в тексте встречается актуализация: *Калушата присяпали и бутявшку стрямкали. Калушата бутявшку выучили.* Это приводит к эмоциональному выделению слов, стилистически окрашивает предложение и придает экспрессивный характер.

Синтаксический анализ текста позволяет сделать следующие выводы:

Все предложения и словосочетания в тексте соответствуют синтаксическим правилам русского языка. В тексте встречаются несколько типов простого предложения и одно сложносочиненное, а также все основные формы подчинительной связи - согласование, управление и примыкание. Синтаксическая модель первого предложения сразу направляет мысли читателя в определенное русло – текст, скорее всего, детская поучительная сказка, хотя русские народные сказки, басни и анекдоты также могут иметь такое же начало. В связи с этим может возникнуть вопрос: если такая синтаксическая модель встречается в различных жанрах, почему же мы все-таки отдаляем предпочтение детской дидактической сказке? Модель начала детской сказки сидит глубже всего в нашем подсознании, т. к. это первый и самый большой шаг в литературу, от нуля до единицы. Впоследствии содержание сказок забывается, но модель остается как элементарный шаблон, архетип, который узнается в первую очередь. Русские народные сказки, басни, анекдоты относятся к более позднему периоду знакомства с литературой. В пользу детской дидактической сказки говорят также короткие простые предложения, часто состоящие только из главных членов и имеющие, в основном, очень похожую структуру, а также обобщенно-личные предложения, которые привлекают внимание к важности происходящего, вероятно, с поучительной целью.

4. Фонетика

Фонетическая система русского языка допускает употребление разнообразных звуковых сочетаний, но, тем не менее, существует ряд ограничений и запретов, нарушение которых говорит о том, что данное звукосочетание «чужое» для языка. Сочетания звуков текста рассматриваются в их отношении к морфемной структуре словоформ: в положении внутри морфа (в начале, в середине и в конце) и на стыке соседних морфов (например, корневого и суффиксального, префиксального и корневого). Поскольку вымышленными являются только лексические морфемы, интересно проследить сочетания внутри корневых морфов и на стыке корневых морфов с префиксальным и суффиксальным.

Сочетания звуков гласный + гласный в тексте отсутствуют.

В современном русском языке существуют четыре типа сочетаний согласный + гласный: твердый согласный + ударный гласный; мягкий согласный + ударный гласный; твердый согласный + безударный гласный; мягкий согласный + безударный гласный.

Сочетания твердый согласный + ударный гласный.

Фонетическая система современного русского языка допускает сочетания твердых согласных только с гласными непереднего ряда. Любой твердый согласный (кроме заднеязычных) может сочетаться с любым гласным непереднего ряда. В тексте встречаются следующие сочетания: в позиции корня: [ru] *пуськи*, [ru] *напушке*, [vo] *волит*, [do] *подудонились*; в позиции префикса: [vi] *выучили*, в позиции суффикса: [sa] *калушата*, *калушаточки*, [ni] *вздребезнулась*; на стыке корня и суффикса: [lu] *Калуша*.

Сочетания мягкий согласный + ударный гласный.

В русском языке возможны сочетания мягких согласных с гласными переднего ряда [i], [e] и с гласными непереднего ряда [a], [o], [u]. В тексте есть следующие сочетания: [b'a] *бятые*, [s'a] *сяпала*, [t'a] *бутявка*, [tr'a] *трямкают*, [z'a] *некузявая*, [t'u] *сопритюкнулась*, [d'u] *дюбые*, [z'u] *зюмо*. В слове *некузявая* сочетание находится в позиции суффикса, в остальных случаях в позиции корня.

Сочетания твердый согласный + безударный гласный.

В русском языке возможны сочетания твердых согласных (кроме заднеязычных) со всеми согласными непереднего ряда. В тексте представлены следующие сочетания: в позиции корня: [kэ] *Калуша*,

калушата, [bi] *бутявка*, [du] *подудонились*, *дудоняются*, [ku] *некузя-
вая*; на стыке корня и суффикса: [рэ] *сяпала*, [ti] *бятые*, [vэk] *бутя-
вок*, [тэ] *зюмо*, [lu] *калушата*.

Сочетания мягкий согласный + безударный гласный.

Фонетическая система русского языка допускает сочетания мягких согласных с гласными [i], [э] и [u]. В тексте представлены следующие сочетания: [I'i] *волит*, [tʃu], [tʃi] *выучили*, [n'э] *дудоняются*, [n'i] *подудонились*.

В тексте встречаются следующие двух-, трех- и четырехчленные сочетания согласных: [fk] *бутявка*, [s'k'] *пульки*, [mk] *трямкают*, [ʃk'] *напушке*, [kn] *соприюкнулась*, [str'] *стрямкали*, [vzdr'] [zn] *вздребезнулась*.

Таким образом, все сочетания звуков, используемые в тексте, не противоречат русскому фонотаксу, поэтому текст звучит как «нормальный» русский текст. Среди встречающихся в тексте звукосочетаний интересно отметить сочетание мягкий согласный + ударный гласный (*сяпала*, *бутявка*, *бятые*, *стрямкали*, *некузявая*, *соприюк-
нулась*, *дюбые*, *зюмо*). Это сочетание наиболее характерно для детского языка, в котором наблюдается явная тенденция к смягчению согласных. Однако в тексте нет ни одного сочетания мягкого согласного с гласными переднего ряда.

В словах *подудонились*, *дудоняются* в предударном и ударном слогах согласные твердые, сочетание взрывных согласных с заднеязычными лабиализованными гласными [u] и [o] придает слову явную отрицательную лексическую окраску. В данном случае можно говорить о смыслоразличительной способности и значимости сочетаний взрывная согласная + заднеязычная лабиализованная гласная, которые привлекают внимание к важности происходящего и являются своего рода предупреждающим сигналом. Не случайно поэтому предложение *И подудонились* начинается с красной строки.

Словесное ударение в русском языке является свободным, т.е. может находиться на любом слоге слова. Фонетическим средством выделения ударного элемента чаще рассматривают только центральную часть слога – гласный. Во всех ударных слогах в тексте встречаются три гласные [a], [o], [u], за исключением слова *вы-
учили*, где ударный гласный [i]. Наиболее часто встречается [a] – 28 раз, самый первый звук, который произносят дети, далее следуют [u] – 12 раз и [o] – 10 раз. Частота употребления соответствует той

последовательности, в которой дети начинают произносить эти звуки. Гласный [i] относится к более позднему периоду овладения гласными, он явно свидетельствует о чем-то чужеродном, возможно, связан с движением выплевывания.

Все слова в тексте имеют ударение на первом, втором или третьем слоге, преимущественно на первом или втором. В детских сказках наблюдается аналогичная картина. Это объясняется тем, что детям известны только простые двух- и трехтактные ритмы, они не могут образовывать слова с ударением на четвертом слоге, т.к. они еще не понимают сложные и длинные структуры.

В основном, в тексте преобладают двухтактные ритмы, с тенденцией к хорею. Такое ритмическое построение соответствует и простым жестам, которые дети используют в общении друг с другом. Взрослые также используют простые двухтактные ритмы и жесты в общении с детьми, особенно, когда необходимо активировать внимание детей и сообщить им важную информацию, которую нужно запомнить. Такой информацией может быть стишок или поучительная сказка.

Заключение

Используя морфологическую, фонетическую и синтаксическую структуру русского языка, с одной стороны, и архетипы, прототипы и ассоциации, с другой, автор умело направляет нашу фантазию и языковую догадку в определенное русло – язык детства и детской сказки. Поэтому язык воспринимается как органичный, живой, простой и понятный и в то же время суггестивный, уносящий нас в мир детской фантазии. Не случайно, первая реакция после прочтения текста почти у всех одинаковая: «Это сказка». Такая спонтанная узнаваемость дает основание говорить о тексте как о прототипе детской сказки.

В заключении можно привести пример, еще раз подтверждающий органичность и жизнеспособность языка текста. Через десять лет после публикации сказки придуманное слово переходит в русский язык и используется в газетной статье, при этом оно употребляется без всяких комментариев, поскольку смысл очевиден: «Надо ска-

зать, что по сравнению с нашими современниками Казанова – просто *некузяный мальчишка*».

...Итак, маленькая русская детская сказка вздребезнулась, сопри-
тикнулась и посыпалась дальше по напушке...

Литература

Даль, В., *Толковый словарь живого великорусского языка*,
Москва, 1978–1980.

Зализняк, А.А., *Грамматический словарь русского языка*, Моск-
ва, 1980.

Ковтунова, И.И., *Современный русский язык. Порядок слов и ак-
туальное членение предложения*, Москва, 1976.

Московский комсомолец, 24.09.1994.

Норман, Б.Ю., *Язык: знакомый незнакомец*, Минск, 1987.

Петрушевская, Л., «Пуськи бятые», *Литературная газета*, июль
1984.

Русская грамматика, главн. ред. Н. Ю. Шведова, Москва, 1982 (т.
1, 2).

Русский язык. Энциклопедия, Москва, 1979.

Сказки народов мира, Москва, 1987, т. 1.

Словарь русского языка, Москва, 1981–1984 (т. 1–4).

Чуковский, К.И., *От двух до пяти*, Москва, 1966.

Некоторые лингвистические аспекты сказок Л. Петрушевской или еще раз про Калушу ...

Л. Петрушевская

Лингвистические сказочки

ПУСЬКИ БЯТЫЕ

Сяпала Калуша с Калушатами по напушке. И увазила Бутявку и волит:

– Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

– Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили. Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит Калушатам:

– Калушаточки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузяевые. От бутявок дудонятся.

А Бутявка волит за напушкой:

– Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузяевые! Пуськи бятые!

БУРЛАК

(роман) Часть I

Сяпали Калуша с Помиком по напушке и увазили Ляпупу. А Ляпупа трямкала Бутявку.

А Калуша волит:

– Киси-миси, Ляпупа!

А Ляпупа не киси и не миси, а трямкает Бутявку. Полбутявки у Ляпупы в клямсах, полбутявки по бурдысьям лепещется.

А Помик волит:

– Калуша, Ляпупы, трямкающие бутявок, не волят "киси-миси", а то бутявки из клямс вычучиваются.

А Калуша волит:

– А по клямсам? За некузявость!

И – бздым! – Ляпупу по клямсам.

Ляпупа разбызила клямсы и как заволит:

–Оее! Оее!

Бутявка из клямс Ляпупы вычучилась, вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит:

– Киси-миси, Ляпупа!

А Ляпупа усяпала с напушки и за напушкой волит:

– Киси-миси, Помик. А Калушаточки-то не помиковичи!

Часть II

Помик волит:

- Калуша, а Калушаточки помиковичи?

Калуша разбзыила клямсы и волит зюмо-зюмо:

- Куа?

Помик тырснул в бурдысья и из бурдысьев волит:

- Калуша, а Калушаточки помиковичи?

А Калуша как заволит:

- Некузяво, оее некузяво так волить!

А Помик в бурдысьях как забурлыкает: бурлы, бурлы, бурлы.

А Калуша волит:

- Не бурлыкай, бурлак. Калушаточки не помиковичи, а помиковны.

КУЗЯВОСТЬ

Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку и волит:

- О, бутявище некузяво.

И - тюк бутявку за сяпалки.

И ну трямкать Бутявку.

Полбутявки и Калуши в клямсах, полбутявки об напушку лепещется.

Но тут Бутявка как заволит:

- Ое! Ое!

И подудонилась Бутявка Калуше в клямсы: бздым!

Калуша обезвалдела, в клямсах у Калуши зюмо-зюмо некузяво, а тут Ляпупа по напушке шается, блуки бятые, пиши натыром:

- О! Киси-миси, Калушечка! Как калушаточки? Как Помик?

Калуша же клямсы сопритюкнула, не волит ни киси и ни миси (Бутявка-то в клямсах и дудонится и дудонится).

Но тут из клямс у Калуши уже птум-птум, птум-птум (Бутявкинодудо).

- Эска! – волит Ляпупа. О-по-по, вазьте, о индякие! Калуша подудонилась! От Калуши аж дудом фурдяет!

Калуша Бутявку вычучила, из клямс дудо отбябякала и волит:

- Не Калуша подудонилась, а Бутявка! От Бутявки фурд!

А Бутявка, вычучившись из калушиных клямс, вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки в бурдысья, и волит из бурдысьев:

- Калуша подудонилась, Калуша подудонилась!

А Ляпупа пиши аж растюкнула, блуки бятые вымязила и волит:

- И! И! Калушка зюмо некузявая! Фурдючая!

А Калуша бирит:

- С Ляпупой и Бутявкой бирить – дуда натрямкаться. Индякие, не тючите дудо, не зафурдяте. Ляпупа с Бутявкой волят – у индяких пиши сбякиваются!

И усяпала с напушки кузявая-кузявая.

ТРЕСЬ

1

Сяпала Калуша с Помиком по напушке и волит то ли Помику, то ли в бурдысья:

– Ин у Калуши с Помиком калушаточки: и Канна, и Манна, и Гуранна, и Кукуся!

А Ляпупа по напушке шается, пши натыром (ну Ляпупа и Ляпупа) и волит:

– Калушаточки-то некузяные. И Канна, и Манна, и Гуранна. А Кукуся ажник тресь.

– Кукуся тресь?! – возобнулась Калуша. Кукуся тресь, а, Помик? Обезвалдеваю.

А Ляпупа волит, блуки у Ляпупы бятые-бятые:

– Эска, Кукуся в бурдысьях с Бутявчонком! Щуньте, ин бурдысья-то лепещутся!

А Калуша волит зюмо-зюмо:

– Кукуся в бурдысьях? Эска, Кукуся в бурдысьях Бутявчонка трямкает, бурдысья-то и лепещутся!

А Помик волит:

– Оее! Бутявок не трямкают. бутявки зюмо-зюмо некузяные.

А Калуша волит:

– Сяпай за Кукусей в бурдысья и отвинь Бутявчонка у Кууси.

И Помик посяпал.

– Шайся, Помик, бирит Ляпупа. – Шайся в бурдысья. Отвiniшь, как же! Помик-некузявик.

2

А бурдысья лепещутся, лепещутся, инда Ляпупа йокаает, йок, йок, йок!

А Помик высяпал из бурдысьев и волит:

– Калушечка, Кукуся не трямкала Бутявчонка.

А Калуша волит:

– Кукуся не трямкала? Так стрямкай же! Стрямкай Бутявчонка, Помик!

А Ляпупа йокаает:

– Йок, йок, йок! – Так и лепещется: – Пуськи бятые, Канна, Манна, Гуранна и Кукуська.

Ин из бурдысьев высяпывает Бутявчонок, а с Бутявчонком сяпает Кукуся, клямсы в клямсы с Бутявчонком, сяпалка за сяпалку.

Оее!

Калуша клямсы разбызила ажник.

Помик набурбушился.

Ляпупа йокнула:

– О! Щуньте, щуньте! Кукуся с Бутявчонком сяпает! Кукуся тресь!

А Калуша вздребезнулась и волит:

– Никс!

– Тресь, тресь, – бирит Ляпупа. – Кукуся тресь!
Инда сопритюкивается.
А Кукуся с Бутявчонком ушпандокали с напушки.
– Посяпать разбамболить про Кукусю, – забирила Ляпупа. – Раз-
бамболить про бурдысья, про Калушу с Помиком, ой кузяво! Ой кузя-
во! Кукуся с Бутявчонком в бурдысьях...
– Ай обезвалдела, Ляпупа? – волит Калуша. – Не Кукуся, а Кукуся
Помиковна Бутявчонок.
– У? – бирит Ляпупа? – У?
– Кукуся Помиковна Калуша-Бутявчонок, у.
А Ляпупа как заволит:
– Кукуся-Шмукуся! Бутявчонок-Шмутявчонок!
И усяпала с напушки бятых-бятая.

В 1984 году в «Литературной газете» была опубликована лингвисти-
ческая сказка Л. Петрушевской «Пуськи Бятые». Сказка была по-
строена на принципах, напоминающих известную фразу профессора
Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бок-
ренка*, т.е. в придуманных словах корневые морфемы были вымы-
ленные. В анализе этой сказки мы поставили вопрос, действительно
ли перед нами детская сказка, написанная на русском языке, несмот-
ря на видимое отсутствие «настоящих» слов (Пёппель, 1997). Сказка
была рассмотрена с точки зрения морфологической,
синтаксической и фонетической структуры, а также семантических
ассоциаций.

Одннадцать лет спустя «Пуське Бятые» была вновь напечатана в
той же газете, но на этот раз с продолжением – сказками «Бурлак»,
«Кузяность» и «Тресь». В новом варианте «Пуськи Бятые» напеча-
тана с незначительными изменениями. Все сказки объединены под
общим заголовком *Лингвистические сказочки* и построены по тому
же принципу, что первая сказка. Остановимся на первой части заго-
ловка, *лингвистические*, и рассмотрим некоторые вопросы, возника-
ющие в связи с появлением продолжения. Каким образом компен-
сируется отсутствие «настоящих» корневых морфем? Использует
ли автор те же языковые рамки, что и в первой сказке, или же эти
рамки расширяются? Если расширяются, то каким образом? Анализ
сказки «Пуськи Бятые» показал, что понимание основывается на
двух основных аспектах – знаниях о языке и знаниях, основанных на
жизненном опыте, таких как архетипы и поведенческие шаблоны.

В первых четырех разделах статьи рассматриваются некоторые языковые аспекты – морфологическая, семантическая и синтаксическая структура сказок, а в последнем разделе – какие ассоциации и толкования могут вызвать вымышленные слова. За отправную точку возьмем первую сказку – «Пуськи Бятые», поскольку она появилась значительно раньше и явилась своего рода зернышком, из которого впоследствии проросли остальные сказки.

1. Морфология и словообразование

Как и в первой сказке, все слова можно разделить на «настоящие» и вымышленные. К словам, существующим в русском языке, относятся предлоги *с, по, за, у, в, из, об, про*, союзы *и, а, ни... ни, не, но*, междометия *о, ой, ин, инда*, частицы *же, аж, то, наречия так, тут*. Как и в сказке «Пуськи Бятые», «настоящие» слова являются, в основном, служебными словами или междометиями, однако, следует отметить появление полнозначных слов, наречий (Некузяво... *так* волить. А *тут* Ляпупа по напушке шается). Появились также междометия, являющиеся звукоподражанием (И – *бздым!* – Ляпупу по клямсам. И – *тиюк* Бутявку за сяпалки). В отличие от других междометий, они имеют в предложении определенную синтаксическую функцию – сказуемого, и, как правило, получают контекстно-обусловленные значения прош. вр. сов. вида (Русская грамматика, т.1, стр. 735). А. М. Пешковский (1956) относит эту категорию слов не к междометиям, а к видовой категории и называет ее ультрамгновенным видом русского глагола. Несмотря на то, что слова этой группы относятся к разным классам слов и выполняют различные функции, их объединяет то, что все они односложные, краткие по форме. Они указывают, как дорожные знаки, на определенные линии и тенденции в повествовании, оставаясь при этом в тени, в то время как основное внимание сосредотачивается на придуманных словах.

Все придуманные слова относятся, в основном, к четырем классам – существительным, глаголам, прилагательным и наречиям. Об уместности отнесения слова к тому или иному классу мы писали в анализе сказки «Пуськи Бятые» (Пёппель, 1997). Мы также подробно рассмотрели каждую словоформу с точки зрения слово- и формообразования и пришли к выводу, что все аффиксы реально су-

ществуют в русском языке, а также что слова имеют грамматические категории той части речи, к которой они относятся. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на анализе каждой словоформы, а отметим лишь некоторые новые особенности слово- и формообразования, появившиеся в последующих сказках.

Парадигмы глагола и существительного представлены большим разнообразием форм. В глагольной парадигме следует отметить появление неличных форм глагола – причастия (*Ляпупы, трямкающие бутявок, не волят «киси-миси»*), деепричастия (*А Бутявка, выучившись из калушиных клямс...*) и инфинитива (*С Ляпупой и Бутявкой бирить – дуда натрямкаться. И ну трямкать бутявку*). В первом варианте сказки «Пуськи Бятые» отсутствовала форма императива (*Не бурлыкай, бурлак*). В парадигме существительного более разнообразно представлена падежная категория ед. и мн. ч. (и усяпала с *напушки* – ед. ч. род. п.; в *клямсах* у Калуши – мн.ч. пред. п.).

Можно также отметить новые особенности словообразования существительных и глаголов:

- Субстантивация прилагательных (*Индякие*, не тючте дудо, не зафурдяет).
- Существительные со значением отвлеченного признака, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-ость* (*кузяность*).
- Сложные существительные с первым компонентом *пол-* и существительным в род. п. (*полбутявки*).
- Ономатопоэтические глаголы, образованные от междометий с помощью суффикса *-а-* и имеющие значение воспроизведения в звучании (*бурлы–бурлыкать, йок–йокать*).

Интересно отметить появление ряда словообразовательных цепочек: *Помик–помиковичи–помиковны; сяпать–сяпалки; дудо–дудо–ниться* и словообразовательных гнезд: *кузявый, кузяность, некузявый, некузяво, некузявик, некузявость; бурлы, бурлыкать, бурлак; бутявка, бутявконок, бутявшице*.

Число прилагательных и наречий очень ограничено. Все прилагательные и наречия уже встречались в первой сказке (*дюбый, кузявый, бятый, зюмо*) или же образованы уже от ранее встречавшихся в тексте слов (*фурд – фурдючий; посессивы калушины клямсы, Бутявкино дудо; некузявый–некузяво; кузявый –кузяво*). Исключение составляет единственное новое придуманное наречие *натыром*, встречающееся в легко узнаваемом выражении *нии натыром* (см. Ассоциации).

Для расширения словарного состава новых сказок автор использует лишь несколько ограниченных направлений. Прежде всего, это уже существующие в русском языке слова. Словарный состав придуманных слов пополняется, в основном, по двум направлениям. С одной стороны, выдуманные слова образуются от уже ранее встречавшихся в тексте однокоренных слов, т.е. являются производными словами. С другой стороны, мы встречаем совсем новые придуманные слова. Чаще всего вымышленные слова относятся к двум классам – существительным и глаголам. Существительные в большинстве случаев обозначают конкретные предметы (*Ляпупа, Помик, Канна, Манна, Гуранна, клямы, сяпалки, блуки, пии, бурдысья, дудо, фурд*). О семантической структуре глаголов речь пойдет ниже.

2. Глаголы

Семантически глаголы выражают событийность, т.е. действия, процессы и состояния. Из всех встречающихся в тексте придуманных глаголов наиболее узнаваемыми являются те, которые по семантическим признакам можно отнести к глаголам движения. Прежде всего, они включают понятие конкретного перемещения, т.е. любое конкретное изменение положения в пространстве. Сюда можно отнести глаголы, непосредственно связанные с тем или иным видом «ходьбы»: *сяпать, усяпать, присяпать, посяпать, высяпывать, тырснуть, шаться, ушпандокать*, а в более широком смысле с любым конкретным действием: *трямкать, вычучить(ся), вздребезнуться, сопритюкнуть(ся), лепетаться, отбябякать, вымязить, тючить, отвинтить*.

Помимо перемещения, семантическая структура включает также другие особенности, в тексте встречаются следующие:

– Происхождение движения – источник, назначение движения – цель, которые маркируются с помощью предлогов: *усяпала с напушки в бурдысья, тырснул в бурдысья, сяпай в бурдысья, высяпал из бурдысьев, ушпандокали с напушки, вычучиваются из клямс, шайся в бурдысья*.

– Траектория движения (path), включая направление. Особенностью русского языка, как и других славянских языков, является то, что траектория движения может выражаться двумя способами – с по-

мощью предлога (*идти по дорожке*) или с помощью глагольного префикса, т.е. траектория является составной частью глагола (Talmy, 1985), например, *объехать – ехать + вокруг*: *сяпала ... по напушке, калушата присяпали, усяпала, по напушке шается, сяпай за Кукусей* (за включает траекторию движения и цель), *посяпал, высяпал, ушпандокал, сопритюкнулась, выучили, отбябякала, растюкнула, отвинь*.

– Инструмент или способ перемещения (*идти* означает передвижение пешком, *ехать* включает понятие транспортного средства): *сяпать*, т.е. перемещаться *сяпалками* (слово *сяпалка* встречается в значении *лапки*, об этом подробнее говорится в Ассоциациях). Другие глаголы, связанные непосредственно с каким-либо видом «ходьбы», указывают на способ перемещения пешком благодаря ассоциациям.

Остальные глаголы, встречающиеся в тексте, можно отнести к следующим группам:

– глаголы, связанные с речевым актом – *волить, заволить, бирить, забирить, йокать, бурлыкать, забурлыкать, разбамболить*. На речевой акт указывает следующая вслед за глаголом прямая речь с соответствующей пунктуацией, а также ассоциации;

– глаголы, связанные с восприятием – *вазить, увазить, ищунить, и переживаемыми чувствами – обезвалдеть, набурбушился, возобнуться*. Последние два глагола могут одновременно обозначать и действие и чувство. Интересно также отметить, что глаголы последней группы появляются на позднем этапе повествования, глагол *обезвалдеть* – в третьей сказке, а глаголы *набурбушился* и *возобнуться* в четвертой, когда уровень понимания текста уже достаточный.

Для передачи состояния автор использует единственный «настоящий» глагол *быть* в качестве глагола-связки в составном именном сказуемом, который, как известно, в настоящем времени опускается. Глагол *быть*, выполняет ту же роль, что и другие «настоящие» слова. Присутствуя имплицитно, он является одним из важных невидимых ключей к пониманию смысла всего текста.

Мы подробно остановились на семантической структуре глаголов, поскольку глаголы занимают центральное, ключевое место в тексте. Евангелие От Иоанна начинается словами: «В начале было Слово». В «Фаусте» Гете дает свое философское толкование этой библейской фразы. Устами Фауста он пытается перевести оригинал (вероятно, греческое *logos* или латинское *verbum*) на немецкий язык

и постепенно, шаг за шагом показывает глубину значения всей фразы: «Im Anfang war das Wort... Im Anfang war der Sinn... Im Anfang war die Kraft... Im Anfang war die Tat». Как мы видим, ход мысли развивается от более абстрактного к более конкретному толкованию, от Слова к Деянию. Слово, обозначающее действие или действие, чаще всего – глагол, который является «движущей силой» повествования.

3. Семантические роли

Во всех сказках большинство глаголов обозначают конкретное перемещение, что определяет характер повествования – в них происходят конкретные события. В событиях первой сказки участвуют три героя – Калуша, Бутявка и Калушата (пока что Калушата действуют как одно лицо). В последующих трех сказках появляются еще несколько героев – Помик, Ляпупа, Бутявчонок, а Калушата уже называются поименно – Канна, Манна, Гуранна и Кукуся, причем одна из них, Кукуся, участвует в событиях последней сказки «Тресь». Между героями устанавливаются определенные отношения. Мы рассмотрим систему этих отношений с позиции распределения семантических ролей.

Поскольку действия чаще всего совершаются Агенсом, естественно предположить, что эта роль центральная в тексте. Ö. Dahl (1994) отмечает, что значительно проще представить действие без Инструмента, чем без Агента. Действительно, Агенс наиболее часто встречающаяся в тексте роль. Одним из маркеров Агента является синтаксическая конструкция типа *A Калуша волит..., A Ляпупа пиши расплюкнула..., A Помик высыпал из бурдысьев...*, т.е. Союз A + NP + VP. Эта конструкция встречается в тексте 30 раз, почти всегда стоит в начале абзаца и почти во всех случаях субъект является Агенсом. Исключение составляет, например, *A бурдысья лепещутся...*, где синтаксический субъект является Силой, т.е. неодушевленной причиной действия. Рассмотрим, насколько часто герои участвуют в действии и какие семантические роли являются для них наиболее типичными.

По частоте участия в событиях можно выделить трех героев – Калушу, Ляпупу и Бутявку. Калуша является единственным героем, участвующим в событиях всех сказок. Она чаще всего является

Агенсом (при этом 12 раз в конструкции Союз А + NP + VP), но ни разу Пациенсом. Из трех упомянутых выше героев Пациенсом почти во всех случаях является Бутявка (в первом варианте сказки «Пуськи Бятые» бутявка даже пишется с маленькой буквы). Бутявка участвует в событиях первых трех сказок «Пуськи Бятые», «Бурлак» и «Тресь», в ряде случаев Бутявка также является Агенсом, однако действия, совершаемые Бутявкой, всегда являются ответной реакцией на действия другого героя – Калуши, Ляпупы или калушат. Это касается также тех двух случаев, когда Бутявка является Агенсом в конструкции Союз А +NP + VP. (*А Бутявка волит за напушкой...; А Бутявка, вычувившись из калушиных клямс, вздребезнула, соприюкнулась и усяпала с напушки в бурдысья...*)

Ляпупа появляется во второй сказке «Бурлак» и участвует в событиях трех сказок – «Бурлак», «Кузявость» и «Тресь». Как и Калуша, Ляпупа чаще всего бывает Агенсом (9 раз в конструкции Союз А +NP +VP), но один раз является Пациенсом и Целью, при этом Агенсом является Калуша (*И – бздым! Ляпупу по клямсам*). Это свидетельствует о физическом превосходстве Калуши, поскольку Ляпупа не дает сдачи, и Калуша, таким образом, ни разу не выступает в роли Пациенса. Однако Ляпупа, тем не менее, направляет свои действия против Калуши, калушат и Помика и выступает в роли Агена, но в этом случае ее действия носят вербальный характер – она *волит, бирит или йокаает*. В то же время, Ляпупа, в отличие от Бутявки, является также Агенсом, инициирующим действия, т.е. совершает действия по собственной инициативе, не зависящие от непосредственного воздействия на нее других героев (*А Ляпупа трямкала Бутявку; ... а тут Ляпупа по напушке шається – союз а и наречие тут указывает на два одновременно происходящих действия*).

Кроме трех вышеназванных героев, в сказках участвуют следующие персонажи: Помик, Бутявченок, Кукуся (одна из калушат), Калушата.

Помик является Агенсом приблизительно так же часто, как Бутявка, но, в отличие от Бутявки, ни разу не является Пациенсом (*Помик тырснул в бурдысья... Помик волит...*).

Калушата действуют как группа в первой сказке «Пуськи Бятые» и являются Агенсом или Адресатом (*Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. А Калуша волит Калушатам.*) Кукуся, одна из калушат, участвует в событиях в сказке «Тресь» и также является Аген-

сом. Здесь необходимо отметить, что Помик и калушата совершают действия, т.е. являются Агенсом только под воздействием Калуши, которая их активирует и направляет. Помик и калушата включены в мир Калуши на основе родственных отношений, и на них автоматически переносится семантическая роль Агента.

Бутявшонок, детеныш Бутявки, включен в мир Бутявки, и на него автоматически переносится роль Пациенса. Однако Бутявшонок является Пациенсом лишь в тех случаях, когда действие планируется или предполагается другими героями (*А Калуша волит: «...Стрям-
кой Бутявшонка, Помик»*). В тех случаях, когда Бутявшонок сам участвует в событиях, он является Агентом (*Ин из бурдысьев вы-
сыпывает Бутявшонок...*). То же самое относится и к Кукусе. Во второй части последней сказки «Тресь» Кукуся участвует в событиях не как часть группы, а как отдельный индивид и совершает действия независимо от воли или воздействия Калуши (*Ин из бурдысьев вы-
сыпывает Бутявшонок, а с Бутявшонком снает Кукуся.... А Кукуся
с Бутявшонком ушпандокали с напушки.*).

Мы рассмотрели лишь основные роли участников (participant roles), т.е. роли, отвечающие на вопрос *Who did what to whom?* (Frawley, 1992). В центре нашего внимания были, в основном, две роли, имеющие главное значение для повествования, хотя список ролей, встречаемых в тексте, можно было продолжить.

В. Я. Пропп (1969), анализируя поступки действующих лиц в русской народной сказке, которые он обозначает как функции, выделяет трех основных действующих лиц – главного героя, антагониста героя (вредителя) и жертву. Распределение семантических ролей среди трех наиболее часто участвующих в событиях персонажей позволяет соотнести Калушу с главным героем, Ляпупу с антагонистом героя (вредителем), а Бутявку с жертвой. Помик, совершающий действия достаточно редко и только под воздействием Калуши, напоминает мужа, находящегося под каблуком у жены.

Распределение ролей Агента и Пациенса в последней сказке между Кукусей и Бутявшонком свидетельствует о том, что они вышли из-под контроля своих родителей. Они стали самостоятельными и действуют уже за пределами установленных рамок и стереотипов.

4. Синтаксис

В анализе сказки «Пуськи Бятые» мы рассмотрели синтаксическую структуру первой сказки – типы предложений и словосочетаний. В первой сказке встречаются двусоставные, односоставные (обобщенно-личное и номинативное), неполные и одно сложносочиненное предложения. Словосочетания образуются по правилам образования, в тексте встречаются основные виды подчинительной связи – согласование, управление и примыкание. Мы не будем подробно останавливаться на анализе предложений и словосочетаний, рассмотрим основные особенности синтаксической структуры.

Как и в первой сказке, в последующих трех сказках основной тип предложения – двусоставное предложение с глагольным предикатом. Субъект, как правило, выражен существительным (*А Ляпупа трямкала Бутявку*), в единичных случаях инфинитивом (*Некузяво, оее, некузяво так волить. С Ляпупой и Бутявкой бирить – дуда натрямкаться*). Предикат выражен личной формой глагола, согласующейся с субъектом в лице, роде и числе (*Сяпала Калуша с Калушатами по напушке - ж. р. З л. ед. ч.*), в отдельных случаях сказуемое – некоординируемый компонент (*С Ляпупой и Бутявкой бирить – дуда натрямкаться – инфинитив*). Второй по частоте тип предложения – с именным предикатом (*А Калушаточки-то не помиковичи. Калушка зюмо некузявая!*) Субъект выражен существительным, именной предикат во всех случаях употребляется только в настоящем времени. Именная часть чаще всего существительное (*А Кукуся ажник тресь*), прилагательное (*Калушаточки-то некузяые*) или наречие (*Некузяво, оее, некузяво так волить*). Horalek (1992) отмечает, что эти формы предложения являются основными формами русского и других славянских языков и, бесспорно, имеют индоевропейские корни. Они составляют также основу детского языка.

В тексте есть сложносочиненные предложения, которые образуются сочетанием двух или нескольких предложений на основе сочинительной связи (*Калуша обезвалдела, в клямсах у Калуши зюмо-зюмо некузяво, а тут Ляпупа по напушке шается, блуки бятые, пши натыром*). Новым является появление причастного (*Ляпупы, трямкающие бутявок, ...*) и деепричастного (*А Бутявка, выучившись из Калушиных клямс, ...*) оборотов. Сложноподчиненные предложения в тексте отсутствуют.

При сравнении первой и последующих сказок можно отметить определенную тенденцию – язык все больше становится разговорным. Вот несколько примеров, указывающих на эту тенденцию:

- Конструкция типа *A Калуша бирит* (Союз A + NP + VP), о которой говорится в разделе «Семантические роли».
- Предикат, выраженный междометиями (*Но тут из клямс у Калуши уже птум-птум, птум-птум*) и такими неизменяемыми формами, как *киси-миси* (*А Ляпупа не киси и не миси*). Это предложение напоминает предложения типа *Он ни бе, ни ме, ни кукареку*. (Так говорят о человеке, который ничего не может сказать, т.к. не знает или по другим причинам).
- Неполные предложения, опирающиеся на соответствующий контекст (*Фурдючая! Инда сопритюкивается! И усыпала с напушки кузявая-кузявая. И Канна, и Манна, и Гуранна.*) Этот тип предложения встречается в тексте как в прямой, так и в косвенной речи.
- Односоставные номинативные предложения (*Пуськи бятые! Тресь! О, бутявише некузявое! Помик-некузявик*).
- Односоставные инфинитивные предложения со значением субъективной необходимости и желаемости (*Посяпать разбамболить про Кукусю... Разбамболить про бурдысья...*)
- Определенно-личное предложение (*Обезвалдеваю.*)
- Восклицательные предложения, в которых нет предикации (*Никс! Оее!*).

Во втором варианте сказки «Пуськи Бятые» обобщенно-личное предложение *Бутявок не трямкают* заменено на *Не трямкайте бутявок*. Предложение *Бутявок не трямкают* встречается в сказке «Тресь». Как мы отмечали ранее (Пёппель, 1997), этот тип предложения особенно часто употребляется в пословицах и поговорках. В первом варианте сказки «Пуськи бятые» фразу произносит Калуша в качестве назидания своим детям. Во втором варианте фразу произносит Помик, причем совсем не к месту. Поэтому вместо назидательной фразы становится ироничной. Однако мы не знаем, иронизирует ли Помик над Калушей, над собственным зависимым положением, или же он просто глуп. О зависимом положении Помика свидетельствует также конструкция, с которой начинаются все сказки. Вторая сказка начинается словами: *Сяпали Калуша с Помиком по напушке...*, форма множественного числа сказуемого показывает, что в роли подлежащего выступает все сочетание, т.е. действие совершается двумя равноправными субъектами. Последняя

сказка «Тресь» начинается словами: *Сяпала Калуша с Помиком по напушке...*, форма единственного числа сказуемого показывает, что подлежащим (субъектом действия) является только первое существительное, второе существительное выступает в роли дополнения (Кохтев, Розенталь, 1988, стр. 165–166).

Об узнаваемости модели предложения *Сяпала Калуша по напушке...* мы писали ранее (Пёппель, 1997) и отмечали, что такая модель начала детской сказки дает нам возможность узнать и расставить персонажей по местам. В последующих сказках встречаются и другие, достаточно легко узнаваемые модели. Например, предложение *А тут Ляпупа по напушке шается, блуки бятые, пши натыром* ассоциируется с русскими народными сказками. Чаще всего такая конструкция характеризует бабу-ягу и носит негативную окраску: *Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга – костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос* (Финист – ясный сокол). Как в русских народных сказках, так и в сказках Л. Петрушевской такая конструкция приписывается одному герою и встречается с регулярной частотой, превращаясь в постоянный атрибут данного персонажа.

Автор часто повторяет уже знакомые нам синтаксические конструкции и предложения, причем в разных сказках они повторяются на одном и том же этапе повествования: *Сяпала Калуша с X. по напушке...* – начало всех сказок; *И усяпала с напушки кузявая-кузявая (бятым-бята)* – конец двух последних сказок; *Полбутявики у Ляпупы в клямсах, полбутявики по бурдысьям (об напушки) лепещется* – через несколько предложений после начала второй и третьей сказок; *Бутявка... выучилась, вздребезнулась, соприюткнулась...* – середина первой, второй и третьей сказок. Благодаря таким повторам у нас появляется определенный стереотип. Этот стереотип создается также благодаря повторению слов в одном предложении (*Некузяво, оее некузяво так волить. Щуньте, щуньте*) и широкому использованию редупликации (*Кукуся-Шмукуся! Бутявчонок-Шмутявчонок, киси-миси* – частичная редупликация; *кузявая-кузявая, зюмо-зюмо* – полная редупликация). Такие повторы характерны для детского языка.

Как и в первой сказке, все предложения последующих сказок построены по синтаксическим правилам русского языка, однако, язык становится более разговорным, из него исчезает дидактичность. В первой сказке Калуша пытается преподать урок своим детям с от-

тенком назидательности. В последующих сказках происходит скорее документальное отражение происходящих событий, в которых герои занимаются выяснением отношений *здесь и теперь* (*here and now*), никто не заботится об оценке действий или о моральных ограничениях. Это объясняет также появление ненормативной лексики, т.е. бранных и грубых слов, что вполне соответствует детскому языку в определенном возрасте. В конце сказки «Кузяность» Калуша говорит о Ляпупе: *Индякие, не тючьте дудо, не зафурдяют.* Синтаксическая конструкция и лексические ассоциации приводят к известной пословице: *Не трогай говно, не завоняет.* В разделе Ассоциации мы также рассматриваем слово *тресь*.

4. Ассоциации

В предыдущих разделах мы рассмотрели некоторые аспекты, связанные со знаниями о языке, используя которые автор направляет фантазию и языковую догадку читателя в определенном направлении. Кроме этого, читатель использует также свои познания, основывающиеся на опыте и знании о мире вообще. Такие познания могут быть общими для всего человечества, для определенной группы людей, например, носителей языка, или носить индивидуальный характер. Группе информантов было предложено прочитать текст и на основе прочитанного объяснить, как они понимают значение ряда слов. Все информанты хорошо владеют русским языком, их можно разделить на две основные группы – тех, кто родился и провел детство в России и для кого русский язык родной, и тех, кто выучил русский язык во взрослом возрасте. Ниже приводятся несколько примеров, слова из сказки «Пуськи Бятые» не рассматриваются, т.к. они подробно разбирались ранее (Пёппель, 1997).

Ляпупа – у большинства ассоциируется фонетически со словом *ляпать*, отсюда такие семантические ассоциации, как *баба, сплетница, болтушка*; другие ассоциации: *лупить; толстая кошка или маленький котенок*, т.к. к ней обращаются «*киси-миси*»; *баба-яга*, т.к. у нее «*блуки бятые, пиши натыром*» (см. Синтаксис); *пона; Ляпкина-Тяпкина*.

Помик – муж Калуши, отец их общих детей (*Ин у Калуши с Помиком калушаточки...*), у всех калушат отчество Помиковны; *маленький, кругленький зверек*, например, *собачка* (*Шарик* или *Бо-*

бик), на маленький размер указывают также суффикс *-ик-* и фонетические ассоциации со словами *помпон*, *пончик*, *помидор*, *гномик*. Ассоциация со словом *комик* указывает на то, что Помик комичная, зависимая фигура, об этом также говорилось в разделах Синтаксис и Семантические роли. Ляпупа называет Помика *некузявик*, большинство информантов связывают это с такими словами, как *недотепа*, *неудачник*, *недоделанный*, *неказистый*, *некрасивый*, *гадкий*.

Клямсы – контекст свидетельствует о том, что это *челюсти*, *зубы*, *рот*. Ассоциируется также со словами *кромсать*, *кляксы*, английским *clumsy*.

Сяпалки – то, чем сяпают, по аналогии с такими словами, как *ходилки* и *гляделки*. Большинство объясняют слово как *ножки*, *лапки*; отмечается также фонетическая ассоциация со словом *тяпнуть*.

Блуки – ассоциируется со словами *глаза*, «*шары*», возможна связь с английским *look*, некоторые видят сходство также со словами *каблуки* и *руки*.

Пши натыром – *пши* напоминает, прежде всего, *уши*, но также и *вши*; *натыром* – единственное придуманное наречие, можно объяснить как *торчком*, *топориком*. Слово *пши* встречается также в другом сочетании – *пши сбякиваются*, напоминающем *уши вянут*.

Тресь – этим словом Ляпупа обзывает Кукусю, детеныша Калуши, поэтому оно сразу воспринимается как бранное слово, например, *грязь*, *дрянь*, *мразь*. Ляпупа имеет в виду, прежде всего, «легкое поведение» Кукуси, на что указывает контекст сказки «Тресь», в том числе, ответ Калуши: *Не Кукуся, а Кукуся Помиковна Бутявшонок*, т.е. Кукуся является женой Бутявшонка, поскольку носит его фамилию. Отсюда ассоциации с такими словами, как *сука*, *потаскуха*, *илюха*, *блядь*. Можно также сравнить с английским *trash*.

Бурлыкать – ономатопеический глагол, образованный от междометия *бурлы*, которое произносит Помик. Напоминает *мурлыкать*, *бурчать*, гласная *ы* в ударном слоге имеет негативный оттенок и ассоциируется также с такими словами, как *ныть*, *ворчать*. *Бурлак* – тот, кто бурлыкает, например, *нытик*, *ворчун*. Возможна также связь со словами *дурак* и *бурлеск*.

Фурдять, фурд – ассоциируются с такими грубыми словами, как *вонять* (*вонь*), *пердеть*. В английском языке *fart* и в немецком *forzen* имеют то же значение.

Дудо – все носители языка ассоциируют со словами *деръмо и говно*. На это также указывает легко узнаваемая пословица *Не тючьте дудо, не зафурдягет*. Фонетически похоже также на слово *дудка*.

Обезвалдеть – по контексту и по форме очень близко к слову *обалдеть*.

Шататься – напоминает такие глаголы движения, как *иляться, шагать, шастать, шлюндрить, шататься, бегать*, т.е. слово ассоциируется с каким-то видом ходьбы.

Отвинить – возникает параллель с такими глаголами, как *отобрать, отнять, отбить*.

Информанты, для которых русский язык не является родным, «достраивают» значение слов, используя свои знания о языке, в первую очередь, фонетические ассоциации. Носители языка строят свои ассоциации с помощью архетипов и элементарных шаблонов, а также знаний о языке. В тех случаях, когда имеется возможность выбора между архетипом и фонетической ассоциацией, предпочтение отдается архетипу (например, Ляпупа представляется как баба-яга). В некоторых случаях придуманные слова так близки по форме и по значению "настоящим", что обе группы информантов дают одинаковое и однозначное толкование (*обезвалдеть–обалдеть*). Информантам, для которых русский язык не родной, иногда бывает трудно понять контекст, в этих случаях они исходят из фонетических ассоциаций, которые трудно или почти невозможно связать с ходом событий. Тем не менее, знания о языке во многих случаях позволяют компенсировать отсутствие других знаний, общих для носителей языка, и разобраться в содержании текста.

Таким образом, перед читателем текст, в котором во всех придуманных словах «ненастоящие» корневые морфемы. Он пытается понять язык, в котором не хватает одного измерения. В какой-то степени он ощущает себя зрителем, который в эру звукового кино пришел на премьеру немого фильма. Перед ним разворачиваются события, которые он понимает благодаря своим знаниям о языке и архетипам. Некоторые из этих механизмов, помогающих пониманию, мы попытались рассмотреть в данной статье.

Литература

Евангелие от Иоанна, 1.1.

Кохтев, Н. Н., Розенталь, Д. Э., *Популярная стилистика*, Москва, 1988, стр. 165–166.

Новое в зарубежной лингвистике, ред. В. А. Звегинцев, Москва, 1981.

Пёппель, Л., «Лингвистическая сказка Л. Петрушевской – грамматика и семантика», *Meddelanden från slaviska institutionen*, vol. 33, Stockholm, 1997, стр. 3–22 (в настоящем издании).

Петрушевская, Л., «Пуськи Бятые», *Литературная газета*, июль 1984.

Петрушевская, Л., «Лингвистические сказочки», *Литературная газета*, 1995.

Пешковский, А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва, 1956, стр. 198–199.

Пропп, В. Я., *Морфология сказки*, Москва, 1969.

Русская грамматика, главн. ред. Н. Ю. Шведова, Москва, 1982 (т. 1).

Сказки народов мира, Москва, 1987, т. 1, стр. 73.

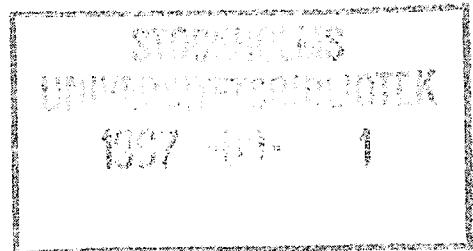
Dahl, Ö., *Grammatik*, Lund, 1982, стр. 44–45.

Fillmore, Ch. J., «The case for case reopened», in: Cole P., Sadock J. M. (eds), *Syntax and semantics*, vol. 8, N.Y., 1977, стр. 59–81.

Frawley, W., *Linguistic Semantics*, Hillsdale, N.J., 1992, стр. 145–181, 201–249.

Horalek, K., *An introduction to the study of the Slavonic languages*, vol. 1, Nottingham, 1992, стр. 256–257.

Talmy, L., *Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. Language typology and syntactic description*, III, ed. T. Shopen, Cambridge, 1985, стр. 57–149.

- Nr 23 (1983) A Selected Bibliography of N.Å. Nilssons Writings
- Nr 24 (1984) Anders Olsson och Mona Vincent
– INTERTEXTUALITET – möten mellan texter
- Milivoje Jovanović
– K voprosu o poéтике reminiscencij i citacij
- Nr 25 (1986) Ingegerd Nordlander
– Mera än ett förord: "Predislovie redakcii" till Dostoevskijs "Krokodil"
- Nr 26 (1986) Per Ambrosiani
– Fonetisk och fonologisk analys av rysk text med hjälp av dator
- Nr 27 (1987) Karin Grelz
– En semantisk analys av Marina Cvetaevas "Čert"
- Nr 28 (1989) Árni Thór Sigurdsson
– Om enleddede setninger i russisk og deres norske oversettelses-ekvivalenter
- Nr 29 (1992) Helena Kosek
– Den samtidiga tjeckiska prosan
– Milan Kundera
- Nr 30 (1993) Jerzy Faryno
– Belaja medvedica, ol'cha, motovilicha i chromoj iz gospod.
Archeopoéтика Detstva Ljuvers Borisa Pasternaka
- Nr 31 (1995) – Institutionen för slaviska och baltiska språk femtio år.
Högtidsföreläsningar den 24 november 1994
- Nr 32 (1996) Ljudmila Zubova
– O jazyke fol'klornych poém M. Cvetaevoj «Car'-Devica» (1920 g.),
«Pereuločki» (1922 g.)
- Nr 33 (1997) Ljudmila Pöppel
– Dve stat'i o lingvisticheskikh skazkach Ljudmily Petruševskoj

Tidigare publikationer i MEDDELANDEN från slaviska institutionen/MEDDELANDEN från institutionen för slaviska och baltiska språk (volymer markerade med * är slutsålda):

- Nr 1 (1970)* Leonid Kantor
– Sverige och svenskt kulturliv i polska publikationer 1966–1970
- Nr 2 (1971)* Bengt Jangfeldt/Leonid Kantor
– Officiella sovjetiska reaktioner på Solženicyns nobelpris
- Nr 3 (1971)* Lars Erik Blomqvist/Leonid Kantor
– Material till den sovjetiska bilden av svenskt kulturliv
- Nr 4 (1971)* Sven Gustavsson
– Solženicyns språk. En litteraturöversikt och några problem kring adjektivets behandling
- Nr 5 (1971)* Bengt Jangfeldt
– Transkriberingen av ryska namn
- Nr 6 (1971) Leonid Kantor
– Material till en bibliografi över Blok-litteraturen 1950–1970
- Nr 7 (1972)* Kultur och revolution i Ryssland 1917–1921
- Nr 8 (1972) Daniil Charms: Elizaveta Bam. Inledning av Lars Kleberg
- Nr 9 (1972) Fem uppsatser om Gogol's Kappan
- Nr 10 (1973) Ryska revolutionen och språket. Artiklar och bibliografi
- Nr 11 (1974) V.I. Lenin's speech "ČTO TAKOE SOVETSKAJA VLAST" – together with translations in all Slavic and Baltic languages
- Nr 12 (1975)* Analys av fem polska dikter
- Nr 13 (1975)* Sven R. Gustavsson
– Rusinerna i Jugoslavien, deras kultur och språk
- Nr 14 (1976) Sven R. Gustavsson
– Språklig organisation i Vasko Popas "Igre"
- Nr 15 (1976) Laine Lasmane och Gunars Irbe
– Lettiska författare i Sverige 1945–1975
- Nr 16 (1976) Carola Hansson
– Fedor Sologub och sagotraditionen. Med ett urval av Sologubs sagor
- Nr 17 (1978)* Material om den ryska avantgarde-litteraturen
- Nr 18–20 (1979) Papers on Slavonic linguistics (1–3)
- Nr 21 (1980) Barbara Lönnqvist
– Talar man som man skriver? En översikt över studiet av ryskt talspråk
- Nr 22 (1983)* Kerstin Olofsson
– Icke-givna tematiska subjekt i fack- och skönlitteratur
Boris Arapović
– Språkdifferentiering i Marin Držićs komedi "Dundo Maroje"

Distributör: Slaviska institutionen
Stockholms universitet
S-106 91 Stockholm

ISSN 0281-854X